

Яни Пулккинен

«ТЫ ЧЕГО, ХИПСТЕР?»

Репрезентации маскулинности в романе Сергея
Минаева «Москва, я не люблю тебя»

Факультет информационных технологий и коммуникационных наук

Бакалаврская работа

Февраль, 2023

АННОТАЦИЯ

Пулкинен, Яни : «Ты чего, хипстер?» Репрезентации маскулинности в романе Сергея Минаева «Москва, я не люблю тебя»

Бакалаврская работа

Университет Тампере

Бакалаврская программа по языкам: русский язык

Февраль, 2023

В данной бакалаврской работе мы рассматриваем репрезентации маскулинности в романе российского писателя Сергея Минаева «Москва, я не люблю тебя». Нашей целью является выяснение того, как хорошо мужские персонажи романа соответствуют критериям гегемонной маскулинности, главенствующей, наиболее строго структурированной и рассматриваемой как самая правильная из типов маскулинности. Важной причиной для выбора темы маскулинности послужило то, что многие мужчины испытывают тревогу по поводу своей маскулинности, считаемой ими недостаточной, страдая от этого и сталкиваясь с дискриминацией со стороны не только других мужчин, но и женщин. Кроме того, мы пришли к данной теме, поскольку исследование мужчин и маскулинности — это пока ещё относительно мало изученная тема, требующая больше внимания и обсуждения.

Теоретической базой нашего исследования выступают определения маскулинности, насилие как её часть и дихотомия гетеро- и гомосексуальности, имеющая важное значение для ранжирования мужчин. На основании научной литературы нами представлены пять типов маскулинности, содержащих множество разновидностей. Данную классификацию мы используем в практической части, обращая внимание на слова и выражения, описывающие мужские персонажи и их поведение в романе. Нашей гипотезой было предположение о том, что среди персонажей преобладает гегемонная маскулинность над другими типами маскулинности. Чтобы понять, как мужчины романа вписываются в критерии гегемонной маскулинности, мы выбрали в качестве метода исследования контент-анализ.

Результаты нашего исследования показывают, что требования гегемонной маскулинности видимо настолько невозможны, что данный тип маскулинности проявляется почти в чистом виде лишь только в образе одного из четырёх мужских персонажей, рассматриваемых нами. Рассматривая остальных трёх, мы не способны определить точно, какой тип маскулинности у них преобладает, потому что данные мужчины представляют одновременно многие маскулинности, а не только гегемонную. Тем не менее мы можем прийти к выводу, что наша гипотеза исследования всё же частично подтвердилась, так как некоторые неотъемлемые качества, предполагаемые гегемонной маскулинностью, кроме прочего, гетеросексуальность и удержание власти, проявляются в более или менее значительной степени во всех четырёх мужских персонажах, рассмотренных нами. Наше исследование доказывает, что тема мужчин и маскулинности многогранна, и мужчины могут сочетать в себе одновременно черты разных типов маскулинности. Однако стоит помнить, что тема мужчин и маскулинности нуждается ещё в дальнейшем исследовании, поскольку, например, всеобщая типология разных типов маскулинности отсутствует, что оказалось важной теоретической проблемой также в данной бакалаврской работе.

Ключевые слова: гендер, мужчина, маскулинность, гегемонная маскулинность, типы маскулинности, качественный контент-анализ

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck

TIIVISTELMÄ

Pulkkinen, Jani : ”Ty tšego, hipster?” Reprezentatsii maskulinnosti v romane Sergeja Minajeva ”Moskva, ja ne ljublj tebja”, Maskuliinisuuden representaatiot Sergei Minajevin romaanissa ”Moskva, ja ne ljublj tebja”

Kandidaatintutkielma

Tampereen yliopisto

Kielten tutkinto-ohjelma, venäjän opintosuunta

Helmikuu 2023

Tässä kandidaatintutkielmassa tarkastellaan maskuliinisuuden representaatioita venäläisen kirjailija Sergei Minajevin romaanissa ”Moskva, ja ne ljublj tebja”. Tavoitteena on selvittää, kuinka hyvin romaanin mieshenkilöt vastaavat hegemonista maskuliinisuutta, joka on maskuliinisuustyypeistä johtavin, tiukimmin strukturoitu ja oikeimpana pidetty. Tärkeänä syynä aihevalinnalle on ollut monien miesten kokemana huoli oman maskuliinisuutensa riittämättömyydestä, josta he kärsivät kohdaten syrjintää ei vain toisten miesten, vaan myös naisten taholta. Miestutkimus valikoitui aiheeksi myös siitä syystä, että miesten ja maskuliinisuuden tutkimus on vielä toistaiseksi suhteellisen vähän tutkittu aihe vaati enemmän huomiota ja käsittelyä.

Teoreettisen perustan tutkimukselle muodostavat maskuliinisuuden määritelmät, väkivalta maskuliinisuuden osana sekä hetero- ja homoseksuaalisuuden dikotomia, jolla on tärkeä merkitys miesten arvottamisessa. Tieteellisen kirjallisuuden pohjalta läpikäydään viisi maskuliinisuustyyppiä, jotka käsittävät lukuisia alalajeja. Kyseistä luokittelua hyödynnetään empiirisessä osiossa kiinnittäen huomiota romaanin mieshenkilöitä ja heidän käytöstään kuvaileviin sanoihin ja ilmaisuihin. Tutkimuksessa hypoteesina oli oletus hegemonisen maskuliinisuuden vallitsevuudesta mieshenkilöiden keskuudessa. Miesten vastaavuutta hegemonisen maskuliinisuuden kriteereihin tarkastellaan tutkimusmenetelmistä laadullisen sisällönanalyysin avulla.

Tutkimuksen tulokset osoittavat, että hegemonisen maskuliinisuuden vaatimukset ovat ilmeisesti sen verran mahdollittomia, että kyseinen maskuliinisuustyyppi esiintyy lähes puhtaassa muodossa ainoastaan yhdessä neljästä tutkitusta mieshenkilöstä. Jäljelle jääneitä kolmea mieshenkilöä tarkasteltaessa on vaikeaa määrittää tarkasti, mikä maskuliinisuustyyppi heillä esiintyy vallitsevana, koska kyseiset miehet edustavat samanaikaisesti useita maskuliinisuuksia eivätkä vain hegemonista. Tästä huolimatta voidaan tehdä johtopäätös tutkimuksen hypoteesin osoittautumisesta osittain oikeaksi, koska muutamat hegemonisen maskuliinisuuden edellyttämät piirteet, kuten heteroseksuaalisuus ja vallan säilyttäminen, esiintyvät enemmän tai vähemmän merkittävässä määrin kaikissa tarkastelluissa mieshahmoissa. Tämä todistaa, että miehet ja maskuliinisuus aiheena on moniulotteinen, ja miehet voivat yhdistää itseensä yhtäaikaaisesti eri maskuliinisuustyyppien piirteitä. Kuitenkin miehet ja maskuliinisuus tutkimusaiheena tarvitsee vielä jatkotutkimusta, koska esimerkiksi yleisesti tunnustettu eri maskuliinisuuksien luokittelu tyyppeihin puuttuu, mikä osoittautui tärkeäksi teoreettiseksi ongelmaksi myös tässä kandidaatintutkielmassa.

Avainsanat: sukupuoli, mies, maskuliinisuus, hegemoninen maskuliinisuus, maskuliinisuustyypit, laadullinen sisällönanalyysi

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck –ohjelmalla.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	1
1. Многообразная маскулинность.....	4
1.1. Определения маскулинности	4
1.1.1. Насилие как часть маскулинности	6
1.1.2. Противостояние гетеро- и гомосексуальности.....	7
1.2. Типы маскулинности и их иерархия	8
1.2.1. Гегемонная маскулинность	9
1.2.2. Соучаствующая маскулинность.....	11
1.2.3. Субординированная маскулинность	12
1.2.4. Маргинализируемая маскулинность.....	13
1.2.5. Несостоявшаяся маскулинность	14
2. Анализ материала.....	15
2.1. Вова.....	16
2.2. Денис	21
2.3. Вася.....	24
2.4. Артём.....	26
3. Заключение	31
Список источников	33
Материал исследования.....	33
Литература	33
Электронные источники	33
Научные статьи.....	33
Словари	35

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2017 года американская актриса Алисса Милано опубликовала сообщение в твиттере, поощряя своих последователей, подвергнувшихся актам половых преступлений, поделиться опытом о сексуальном домогательстве. Само собой разумеется, что женщины, столкнувшиеся с неадекватным обращением или преступлениями сексуального характера, заслуживают внимания и всевозможной поддержки, но то же самое должно касаться и мужчин. Поэтому в ответ на данную кампанию #MeToo появилось социальное движение под названием #HimToo для поддержания прав мужчин, многие из которых стали сами жертвами актов насилия или, например, ложного обвинения в изнасиловании.

Мужские исследования возникли в начале 1970-х годов в США. Являясь междисциплинарным подходом к исследованию гендера, данная отрасль науки обсуждает вопросы, связанные с возможностями мужского пола осуществлять себя в западном патриархальном обществе, ограничивающем также мужчин. В сфере мужских исследований рассматриваются критически, например, изображаемые в художественной литературе образы мужчин, идеалы, предлагаемые мужчинам, т. е. модели маскулинности, противоречивые ожидания, поставленные перед мужчинами и отношения между ними. Согласно утверждению, присутствующему в мужских исследованиях, гегемонная маскулинность производит культурный идеальный образ, несколько не обязанный отвечать фактическим свойствам большинства мужчин. (Hosiaisluomo 2003, 582.) По словам Йормы Сипилы «гегемонная маскулинность — это не описание мужчин, пользующихся властью, а культурная конструкция, которая сохраняет их власть и которую большая часть мужчин с удовольствием поддерживает» (Sipilä ja Tiisonen 1994, 21).

Для описания главенствующего типа маскулинности, представленного в нынешнем обществе, наравне с гегемонной маскулинностью может употребляться также предлагаемое С. Ильиных понятие «естественная» маскулинность. Под ней подразумевается сочетание норм и представлений, отличающихся большей изменчивостью образцов мышления и поведения мужчин по сравнению с «нормативными эталонами мужественности». Данный тип маскулинности появляется под воздействием изменения гендерного уклада, вследствие которого традиционная

маскулинность преобразуется в естественную. Таким образом естественная маскулинность уходит от образа «настоящего мужчины», переходя к образу «естественного мужчины», обладающего качествами, считающимися немужскими, к которым можно отнести, например, эмоциональность, возможность быть неуверенным и встревоженным предстоящим. Наряду с изменившимся отношением мужчины к своему внешнему виду, разрешающим ему иметь фемининные черты, включая использование косметических средств, естественную маскулинность характеризует также равнодушие к власти, отличающее данный тип от гегемонной маскулинности. (Куимов 2015, 27.)

По нашему опыту подавляющее большинство научных работ, посвящённых гендерному исследованию, затрагивают женщин. К примеру, на данный момент на отделении русского языка и культуры университета Тампере не существует работ, рассматривающих мужчин и маскулинность, однако некоторые научные исследования по данной теме проведены на других отделениях университета. Вообще, с точки зрения гендерного равенства мы считаем крайне важным не только рассмотрение женщин и фемининности, но и мужчин и маскулинности. Так как нами был замечен такой недостаток исследований, касающихся мужчин и маскулинности, мы решили вникнуть в данные темы. Таким образом, данная бакалаврская работа вносит свой вклад в исследование мужчин и маскулинности в современной русской литературе.

В нашей бакалаврской работе рассматриваются репрезентации маскулинности в романе российского писателя Сергея Минаева «Москва, я не люблю тебя». Вслед за Хосиайслуома, под репрезентацией мы понимаем представление, совершение действия представителем от имени представляемого, предоставление заново выбранных качеств отсутствующей действительности (Hosiaisluma 2003, 776). По словам Йокинена «репрезентации рассказывают, что мы думаем, но они влияют также на то, как мы думаем». Исследователь продолжает, что репрезентации не только представляют маскулинность, но и оказывают влияние на осуществление маскулинности в жизни. (Jokinen 2000, 124.)

Теоретическая часть нашей работы заключается в обзоре понятия маскулинности, насилия как её части и дихотомии гетеро- и гомосексуальности, служащей разделителем мужчин на «нормальных» гетеросексуалов и «ненастоящих мужчин», т. е. гомосексуалов. Кроме того, мы исследуем, какие типы маскулинности существуют в научной литературе. На фоне данных типов маскулинности, развиваемых

исследователями, мы пытаемся выяснить, какие репрезентации маскулинности проявляются в романе Минаева, выбранном нами в качестве материала для анализа. Для достижения нашей цели мы ищем в тексте романа проявления маскулинности, уделяя внимание отдельным словам и выражениям, характеризующим мужчин и их поведение. Гипотезой нашего исследования является предположение о преобладании гегемонной маскулинности над другими типами маскулинности среди мужских персонажей романа. Ссылаясь на гегемонный тип маскулинности, мы употребляем также термины «доминантная» и «доминирующая» маскулинность. Чтобы понять, насколько хорошо четыре мужских персонажа, выбранных нами, соответствуют критериям гегемонной маскулинности, мы анализируем их один за другим, используя в качестве метода исследования контент-анализ.

В заключение мы хотим выразить спасибо Маарит Киискиля, чья бакалаврская работа в университете Тампере, рассматривающая образы женщин-политиков в российских печатных СМИ, послужила примером и источником вдохновения для нашей работы. В целом, мы считаем тему данной бакалаврской работы интересной для всех, кто занимается гендерным исследованием или просто заинтересован в вопросах гендера, в частности мужчин и маскулинности.

1. МНОГООБРАЗНАЯ МАСКУЛИННОСТЬ

В данной главе мы рассмотрим, что такое «маскулинность» и какие типы маскулинности встречаются в научной литературе. Под термином «маскулинность» понимаются помимо разграничивающих мужчину от женщины признаков, связанных с телом, психикой и поведением, нормативные представления, которым мужчины обязаны соответствовать. В отличие от термина «маскулинность», означающего соединение мужских качеств, «мужественность» относится к морально-психологическому свойству, проявляемому не только в поведении мужчин, но и женщин. По сравнению с фемининностью, ассоциируемой с экспрессивностью, включая, например, эмоциональность и мягкость, маскулинность обыкновенно соотносится по ассоциации с такими чертами, как агрессивность, независимость и инструментальность, т. е. деловитость и т. д. В маскулинных культурах первичной ценностной ориентацией является высокое оценивание собственных достижений, и согласно голландскому антропологу Герту Хофстеле (1998) высокий социальный статус в данных культурах рассматривается как свидетельство личной успешности. (Энциклопедия Кругосвет, s.v. маскулинность и фемининность.)

Принято считать, что мужчины испытывают больше тревоги по поводу своей недостаточной маскулинности, чем женщины по поводу своей фемининности. Таким образом можно делать вывод, что маскулинность для мужчин важнее, чем фемининность для женщин. Сравнивая себя с идеальным образом, каждый мужчина чувствует себя неполноценным в своей маскулинности по крайней мере иногда. Гегемонная маскулинность может рассматриваться как бремя на плечах почти каждого мужчины, при этом мальчикам говорят «будь мужчиной» в отличие от девочек, которым не говорят «будь женщиной». Отсюда следует, что быть мужчиной — это особое задание, т. е. маскулинность должна быть показана разными действиями. Во многих отношениях мужчина обязан быть «больше», чем женщина, но, с другой стороны, «не быть» чем-то. Французская учёная-философ Элизабет Бадентер отмечает, что мужчина «должен отличаться от женщины, младенца и гомосексуала». (Sipilä ja Tiihonen 1994, 22.)

1.1. Определения маскулинности

Согласно австралийскому социологу Рэйвин Коннелл, маскулинность — это положение в гендерных отношениях, и практики, применяемые представителями мужского и женского пола для достижения и сохранения данного положения, а также влияние этих

практик на личность. Предполагая организованные в виде иерархии отношения между лицами обоего пола, маскулинность не всегда определяется относительно фемининности, в качестве её противопоставления, и поэтому женщины как категория присутствуют в рассмотрении Коннелл. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 408.)

Коллективно разделяемое представление о том, что считается маскулинным в определённой культуре, называется «культурной маскулинностью». Например, в Финляндии такие качества как физическая сила, гетеросексуальность и так называемая рациональность воспринимаются как маскулинные. Однако следует отметить, что культурная маскулинность не является чем-то автоматически заданным, а она должна быть заслужена и доказана. (Jokinen 2000, 68.) Таким образом, маскулинность рассматривается как нестабильный статус, утрата которого возможна. Вследствие данной входящей в маскулинность неустойчивости, например, повелительное наклонение «будь мужчиной» содержит побуждающие коннотации, стимулируя индивидуума к совершенствованию, преодолению препятствий, выносливости, активной деятельности и т. д. (Чуркина 2018, 4.)

Так, маскулинность частично заслуживается через инициацию, включая военную службу, но обычно этого ещё недостаточно, поскольку настоящую мужественность надо заслужить с помощью особых заданий, «испытаний на мужественность». В данных заданиях, варьирующихся в зависимости от мужчины, его физическое или психическое благополучие сознательно подвергается опасности, и он вынужден терпеть физическую или душевную боль. (Jokinen 2000, 68–69.)

Также маскулинность может быть определена как способ понять действия мужчин, варьирующийся в зависимости от научной школы. Например, теория биологического детерминизма объясняет маскулинность природой мужчины, опираясь на присущие от рождения признаки, отличающие его от женщины. Отсюда следует, что данное представление рассматривает привилегии мужчин в разных сферах жизни, как непосредственное последствие «мужских преимуществ», связанных, к примеру, с физической силой и предрасположением к агрессии, противостоящими аналогичным женским чертам. (Грэйг и др. 2006, 7.)

Зато наиболее важной доктриной феминизма является идея о гендере, конструируемом в обществе и обществом. Возрастающий интерес к рассмотрению маскулинности как культурного конструкта наблюдается в последнее время. Так, данное

исследование пытается определить представителей мужского пола и их поведение в пределах маскулинности как воплощение культурных и социальных норм. Нормы, которые предписываются мужчинам в отличие от норм, предписываемым женщинам, временами навязывают им, касательно их прав, ролей, моделей отношений и областей ответственности. Испытывая данное социальное давление, иными словами давление маскулинности, мужчины проявляют желание заключить в себе соответствие с мужскими ролями. При помощи этого в сочетании с представлением о непрочной мужской идентичности объясняются свойственные проблемы поведения мужчин, в частности насилие. (Грэйг и др. 2006, 9.)

1.1.1. Насилие как часть маскулинности

Одним из средств, поддерживающих господство мужчин, является насилие, иначе говоря, оно активизируется в случае угрозы потери мужского превосходства. Насилие часто применяется прямо или непрямо, чтобы угнетать и удерживать под контролем женщин, к тому же, оно является неотъемлемой частью мужественной деятельности, между тем как забота о последствиях насилия выпадает женщинам. Таким образом насилие как форма социального взаимодействия связано в первую очередь с мужской идентичностью, если активность и деловитость считаются сущностью социальной гендерной идентичности мужчин. (Sipilä ja Tiihonen 1994, 65.)

Так, будучи в том или ином виде нормальной частью мужской идентичности, мужское насилие может считаться потенциалом насилия, являющимся естественным компонентом бытия мужчины (Sipilä ja Tiihonen 1994, 68). В качестве примера можно привести модель так называемой «бандитской маскулинности», характеристиками которой являются именно насилие, склонность к агрессии и жёсткость. Близким к данному претендующему на успешность и привлекательность типу маскулинности образом оказывается «настоящий мужик», известен также под названиями «реальный пацан», «уличный грубиян». Основываясь на умении использовать физическую силу, настоящий мужик отличается брутальным поведением, настаивает на своём и способен на самостоятельное решение проблем несправедливости, защищая слабых. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 454–455.) Но следует иметь в виду, что мужчинам стоит отдалиться от насилия, учась направить свои насильственные импульсы либо на «правильные» нормативные ситуации и объекты, либо на другую общественно приемлемую деятельность, например, политику, бизнес, спорт (Sipilä ja Tiihonen 1994, 68).

1.1.2. Противостояние гетеро- и гомосексуальности

В патриархальном укладе иерархия главным образом выстроена на основе критерия сексуальной идентичности и ориентации. Так, представители мужского пола разделяются на «нормальных» гетеросексуальных мужчин и считающихся «ненастоящими мужчинами» гомосексуальных, которые подвержены социальной изоляции. (Здравомыслова и Тёмкина 2018, 61.) Дихотомия гетеро- и гомосексуальности служит важной основой для оценивания маскулинности, и, например, такие свойства как отсутствие силы или власти, а также отказ от конкуренции между мужчинами маркируется как гомосексуальность. Данное обзывание и клеймо гомосексуала обозначает женоподобность, несамостоятельность, неумение мужчины, лишая в любой момент его компетенции как мужчины. (Jokinen 2000, 226–227.) Женоподобные жесты мужчины интерпретируются как обман по отношению к маскулинности, оскорбление в адрес мужественности, и именно поэтому многие гетеросексуалы, а также сами гомосексуалы, скупающие по предоставляемой патриархатом власти, считают данное поведение оскорбительным. Таким образом можно сказать, что типичный для мужчин страх перед женственностью — это на самом деле страх перед открытым нарушением гендерного порядка. (Sipilä ja Tiihonen 1994, 94.)

Но стоит отметить, что встречаемое в речи мальчиков клеймо гомосексуала имеет на самом деле мало общего с гомосексуальным поведением. К такому выводу пришёл социолог Гэри Алан Файн, исследовав употребляемые мальчиками-подростками в речи непристойные слова и грубые насмешки. Большей частью речь идёт о том, что маркированный как гомосексуал мальчик не знает и не осознаёт гетеросексистскую речь, а также не выражает восхищения по отношению к гегемонной маскулинности, иными словами, он гетеросексуально незрел. (Jokinen 2000, 227.) Социализация к гетеросексуальности происходит посредством воспитания, поскольку при его помощи гетеросексуальные идентичности поддерживаются, приоритизируются и идеализируются. Соответственно, с помощью гетеросексистских методов воспитания гомосексуальность маргинализируется или запрещается и подавляется. (Sipilä ja Tiihonen 1994, 83.) В подчиняющей гомосексуалов речи говорящий отделяет себя от объекта, маркируя адресата как гомосексуал, и, таким образом провозглашает свою гетеросексуальность. К тому же выводу пришёл и Юкка Лехтонен, изучавший обзывание «гомосексуалом» среди финских школьников, считая, что данное оскорбление мало

связано с маркированием как гомосексуал, а скорее функционирует преимущественно в качестве укрепителя своей гетеросексуальности. (Jokinen 2000, 227.)

1.2. Типы маскулинности и их иерархия

Исследования о мужчинах и маскулинности могут рассматриваться как категория критических исследований, существенно способствующая постижению гендерных отличий и гендерного уклада. Но, несмотря на особенную перспективу мужских исследований, маскулинность не считается связным обособленным объектом, которому адресован «наука о маскулинности». В центр внимания входит гендерно маркированный опыт, обладаемый мужчинами, относящимися к различным группам по критериям экономической позиции, возраста, расы, сексуальности. Также важно заметить то, что необходимо исследование не только данных многочисленных маскулинностей, но и их иерархий. При этом возникают широко употребляемые понятия «гегемонной» и «субординированной» маскулинности, которые мы обсуждаем подробнее далее. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 409–410.)

Вообще, говорить о многих маскулинностях важно, так как некоторые из них возможно не имеют доступа к особым привилегиям, что может заставить принадлежащих данным типам маскулинности мужчин задуматься о сущности маскулинности (Sipilä ja Tiitonen 1994, 20). Данную мысль о том, что о маскулинности не стоит говорить в единственном числе, поддерживает также Коннелл, предлагая говорить о «маскулинностях», так как везде проявляемого единого образа маскулинности не существует. Большое количество разных типов маскулинности упоминается в литературе, однако признаваемая всеми типология всё же отсутствует. Так, типология маскулинности является в гендерных исследованиях важной теоретической проблемой, поскольку маскулинность конструируется культурной и социальной средой неодинаково. (Куимов 2015, 26.)

Одной из типологий маскулинности является классификация И. Тартаковской, выделяющая три явно «работающих» типа маскулинности, «состоявшуюся», «маргинализированную» и «несостоявшуюся». Данная типология сосредоточивается в основном на двух последних, относя к состоявшейся маскулинности лишь «брутального мужчину», мужчину-мачо. (Куимов 2015, 29.) В отличие от типологии Тартаковской, Коннелл предлагает четыре модели маскулинности:

гегемонные, субординированные (подчинённые), компромиссные (сообщнические) и маргинализированные (альтернативные) (Берберова 2013, 2). Гегемонией называется структура власти, осуществляющаяся при помощи механизмов создания неравноправия, основными из которых могут упоминаться механизмы субординации, т. е. подчинения, и маргинализации (Здравомыслова и Тёмкина 2018, 61).

Так, разные маскулинности не являются равноценными, а наоборот, в исследованиях выделяются иерархические отношения, иными словами, одни маскулинности доминируют над другими субординированными или маргинализированными маскулинностями. Говоря о сути гендерных отношений, речь идёт об отношениях «доминирования и субординации». К примеру, гегемонная маскулинность служит механизмом исключения, однако постоянно будучи обязанным себя подтверждать и воссоздавать символически, так как в сегодняшнем обществе доминантный тип маскулинности порождает сопротивление субординированных групп. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 420.)

1.2.1. Гегемонная маскулинность

В исследовании маскулинности 1980-х годов было особо подчёркнуто, что маскулинность — это не одна единственная и для всех мужчин общая. Первым шагом по этому поводу стало предложенное Карриганом, Коннеллом и Ли понятие «гегемонная маскулинность». (Sipilä ja Tiihonen 1994, 19.) Употребление понятия началось данными социологами, впервые систематизированно описавшими термин в своей статье «Развивая новую социологию маскулинности». Под термином подразумевается механизм действия патриархата, обеспечивая правомерность более низкой и зависимой по отношению к мужчинам позиции женщин, и позволяя определённым категориям мужчин удерживать положения власти и благополучия. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 416–417.) К данным носителям гегемонной маскулинности можно отнести, например, высший уровень армии и государственного аппарата, хотя признаки, характеризующие стоящих наверху гендерной иерархии мужчин, исторически непостоянны (Берберова 2013, 2). Исследователи представили гегемонную маскулинность прежде всего именно для того, чтобы сделать видимым существование определённой маскулинности, которой подчинены другие маскулинности и фемининности (Sipilä ja Tiihonen 1994, 19–20).

Термин «гегемония», содержащийся в понятии гегемонной маскулинности, представляет собой «символическое идеологическое господство», т. е. престиж

определённых паттернов маскулинности, усиливающийся, кроме прочего, в идеологии и культурных репрезентациях. Данные идеологии и репрезентации навязывают предпочитаемые эталоны маскулинности, используя приём героизации, что отражается в мужских образах, проявляющих героизм в произведениях массовой культуры. Некоторое изображение так называемого «настоящего мужчины», определяющее стандарты сравнения для ранжирования категорий мужчин, входит в каждую гендерную идеологию. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 417.)

Представления о данных считающихся уместными и удачными моделях маскулинности поддерживает государство, предоставляя рамки героизации поступков и действий мужчин, играя таким образом важную роль при формировании гегемонной маскулинности (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 418). В качестве примера может приводиться гетеросексуальность, которая является центральной частью гегемонной маскулинности и поддерживается конкретными средствами государством и многими другими институтами (Sipilä ja Tiitonen 1994, 20). С другой стороны, государство также криминализирует и способствует образованию отрицательного восприятия установленных типов маскулинности. Например, запрещение или разрешение гражданских браков гомосексуалов доказывают применение государством механизмов социальной политики для поддержания гегемонной маскулинности. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 418.)

Включая в себя представления о мужской гендерной роли, разделяемые преимущественным большинством общества, гегемонная маскулинность является наиболее строго структурированной и рассматривается как самая правильная. На неё ориентируется большая часть мужчин, утверждая мужскую власть не только над женщинами, но и над мужчинами, занимающими более низкое положение. Принадлежность мужчины к данному типу маскулинности описывают как влечение к насилию, преклонение перед физической силой, стремление соревноваться и отсутствие эмоциональной выразительности. (Куимов 2015, 26.) Следует, однако, заметить, что дело не столько в соответствии большинства мужчин данным отличительным свойствам, входящим в данную модель, сколько в идеале и желаемом объекте подражания (Слёзкина 2012, 85).

Вообще, самой главной характеристикой гегемонной маскулинности является отсутствие отличительных свойств, приписываемых сфере женственного. По мнению И. Кона, мужчина определяется самим собой и культурой как

противопоставление женщине, также согласно М. Киммелу, конструирование своих понятий в связи с тем, что значит быть мужчиной, производится мужчинами в непрерывном соотношении с дефинициями женственности. Однако стоит отметить, что доминантная маскулинность конструируется также в сравнении с другими мужчинами. Рут Каррас, исследовавшая исторически составившиеся образы маскулинности среди рыцарей, учёных и ремесленников, делает вывод о важном условии претензии на мужской статус, т. е. перевесе и преобладании над другими представителями мужского пола. Тем не менее способы демонстрировать своё преимущество и доказывать свою маскулинность варьировались от военных и любовных успехов до выдержки и мудрости. (Берберова 2013, 3.)

В целом, можно заключить, что гегемония конструируется на публике также с помощью таких моделей маскулинности, которые явными фантазийными фигурами. Культурный идеальный образ, производимый гегемонной маскулинностью, вовсе не обязан соответствовать фактическим свойствам большинства мужчин. (Sipilä ja Tiihonen 1994, 20–21.) Видимо, требования данного типа маскулинности настолько невозможны, что их можно достичь лишь через фикцию или публичные мысленные представления, классифицируемые как почти фиктивные. В данном случае, гегемонная маскулинность рассматривается в качестве культурной иконы, часто называемой «гипермаскулинностью». (Jokinen 2000, 217.)

1.2.2. Соучаствующая маскулинность

Стоит помнить, что отнюдь не все мужчины имеют доступ к преимуществам гегемонной маскулинности. Коннелл напоминает, что, однако ориентируясь на данную основанную на консенсусе модель, преобладающая часть мужчин в реальности не в том положении, чтобы соответствовать представлениям о подобающем для мужчины поведении. Для описания тех мужчин, занимающих срединное положение между обладателями самого большого уровня власти и бросающими гегемонной маскулинности вызов мужчинами, включая гомосексуалов, Коннелл выделяет механизм «соучастия». (Здравомыслова и Тёмкина 2018, 59.) Представители данной «сообщнической» маскулинности, иными словами «маскулинности соучастников» не достигают вершины иерархии мужчин по причине недостающих сил или желания и имеют более низкий социальный статус, удерживая подчинённую гегемонной маскулинности позицию (Куимов 2015, 27).

Последователям данного механизма причастности к доминантному типу маскулинности гарантировано получение некоторых дивидендов, но соучастие также имеет своим условием постоянные компромиссы и переговоры в семейных связях и на работе. Тем не менее, «соучаствующие» мужчины убеждены в своём превосходстве, невзирая на неумение «подтвердить свои претензии конкретными показателями социальных достижений». (Здравомыслова и Тёмкина 2018, 59.)

1.2.3. Субординированная маскулинность

В определении ранга разных типов маскулинности центральную роль играет раздвоенность гетеро- и гомосексуальности, позволяя «гегемонной маскулинности» субординировать и притеснять некоторых мужчин (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 409). К данному субординированному типу приписываются таким образом мужчины, находящиеся на нижнем уровне гендерной иерархии, в том числе возникающие в гей-сообществах модели маскулинности (Берберова 2013, 3), но, с другой стороны, так называемую гей-маскулинность можно наблюдать также как маргинализированную, по типологии Тартаковской (Куимов 2015, 29). Тем не менее именно движение геев служит одной из значительных причин осмысления маскулинности заново, подвергая сомнению утверждение о гетеросексуальной норме, воспринимаемой как должное (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 409).

Несмотря на то, что отношения власти затрагивают прежде всего отношения между гетеросексуальными и гомосексуальными мужчинами, последние из которых в патриархальном укладе исключены из гегемонной маскулинности и наделены некоторыми чертами фемининности, гомосексуалы представляют собой не единственную субординированную маскулинность. Из гегемонии исключаются также, например, обозначаемые разными словесными выражениями, такими как «баба», «девочка» или «маменькин сынок», мужчины и мальчики. Данные пренебрежительные обороты речи содержат в себе ссылки на женственность и зависимость от женщины, оскорбляя мужчину, и определяя его поступки и удерживаемую им положение как неприличное, отступающее от ожидаемых от мужчины стандартов поведения. Приписывание «неполноценному мужчине» качеств женщин и описание отклонения от нормы маскулинности через отсылку к гомосексуальности могут считаться в таком языке гендерной власти дискурсивными приёмами. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 421.)

1.2.4. Маргинали�ированная маскулинность

Термин «маргинали�ированная маскулинность» употребляется для описания статуса мужчин, социальное положение которых зависимо от того, как их принимают члены доминирующей группы. Представителем данного типа может быть, например, мужчина из малоимущей семьи, иммигрант или инвалид. (Куимов 2015, 29.) С использованием механизма «маргинализации», соотносящейся с данными классовыми и расовыми отношениями, образуются между разными категориями мужчин отношения неравноправия. Коннелл употребляет термин «маргинализация» при ссылке на «отношения между доминирующими и субординированными классами или этническими группами». Важно также заметить, что маргинализация носит всегда относительный характер, присутствуя и в середине субординированных групп, и может основываться тогда, к примеру, на гомосексуальности. (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 421.)

Далее, к новым типам маскулинности, трактуемым как маргинальные типы, можно отнести «метросексуала» и «уберсексуала» (Игаева и Шмелева 2019, 6). «Метросексуал» является представителем городской субкультуры современного общества, живущим в мегаполисе или в непосредственной близости от него, так как там находятся услуги, к примеру, парикмахерские и спортивные залы, используемые данным молодым состоятельным человеком. Данный тип маскулинности поддерживается современными массмедиа, создающими образы мужчин, одетых в брендовую одежду, приобретающих престижные вещи. (Куимов 2015, 28.) Привычки и «метросексуала» и «уберсексуала» ухаживать за собой слишком напоминают женщин, но в отличие от «метросексуала», «уберсексуал», как тип маскулинности, комбинирует в себе самые желаемые мужские признаки, такие как сила и характер, с такими, которые обычно считаются женскими, например, коммуникабельность. Также по мнению М. Зальцман «метросексуал» отличается от «уберсексуала» чрезмерным довольством собой, сознательностью в моде и влюблённостью в самого себя. Тем не менее оба типа маскулинности, связанных с категорией «рискующего модного поведения», создают опасность для преобладающей части мужчин, отождествляющих себя с гегемонной маскулинностью. (Игаева и Шмелева 2019, 6.)

К маргинали�ированному типу маскулинности принадлежит также понятие «сенситивная» маскулинность, отличающаяся избыточным проявлением чувств, т. е. фемининности, считающейся абсолютно непозволительной для традиционной маскулинности. Далее, явно маргинали�ированным в российском обществе, не

одобряющем данную модель нетрадиционной сексуальной ориентации, является и положение так называемой «гей-маскулинности», всегда противопоставленной гегемонной маскулинности. (Куимов 2015, 29.)

1.2.5. Несостоявшаяся маскулинность

В 1990-х годах преимущественной основой гегемонной маскулинности служит экономический и профессиональный успех, единицей измерения которых являются главным образом денежные средства. Потеря или отсутствие данных ресурсов выглядит в постсоветском гендерном символизме как потеря свойств «настоящего мужчины». Чтобы обозначить модели мужского поведения, отклоняющиеся от принятых в определённой культуре в определённое время норм мужского успеха, исследователями используется понятие «несостоявшаяся маскулинность». Составляя иерархию маскулинностей с учётом гетеросексуальности, количества заработной платы, власти, применения силы, данные социально установленные показатели «мужской» успешности ранжируют представителей мужского пола от «настоящего мужчины» до «несостоявшегося». (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 455–456.)

Как предъявляет Тартаковская, наиболее важное характерное свойство несостоявшейся маскулинности — это собственное признание мужчиной проигрыша в профессиональной деятельности и карьере (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 456). Так, одним из видов несостоявшейся маскулинности, описывающейся мужчин внизу гендерной иерархии, является мальчик, не усвоивший требования мужской роли, оставаясь на всю жизнь «лузером», неудачником. Данный вид несостоявшейся маскулинности называется недостаточной маскулинностью, то есть гипомаскулинностью. (Куимов 2015, 30.) К таким описывающим себя как неудачники мужчинам относятся также мало зарабатывающие, не имеющие работы, алкоголики, и другие (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 456).

Далее мы переходим к анализу материала, рассматривая результаты нашего исследования.

2. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Эмпирической базой нашего исследования выступает роман Сергея Минаева «Москва, я не люблю тебя». В данном произведении мы рассматриваем репрезентации маскулинности, пытаюсь выяснить, насколько ли хорошо в нём персонажи мужского пола соответствуют критериям гегемонной маскулинности. Нашей гипотезой было предположение о доминировании гегемонного типа маскулинности над другими среди мужских персонажей, так как данная маскулинность является в мужской иерархии главенствующей. Для достижения наших целей нами был выбран в качестве метода исследования качественный контент-анализ. К данному методу мы пришли, поскольку качественный контент-анализ нацелен на понимание исследуемых явлений (Кирпиков 2018, 70), и мы же хотим понять, как мужские персонажи романа вписываются в стандарты гегемонной маскулинности. Также преимуществом контент-анализа является то, что он позволяет многостороннее исследование материала, когда можно говорить скорее о концептуальной основе, чем о единичном методе (Puusa ym. 2020).

При рассмотрении материала качественного анализа одним из самых используемых методов является именно контент-анализ, пригодный для разносторонних качественных исследований. Контент-анализ применялся для опознания понятий до 1940-х годов, но фактически использование метода было облегчено благодаря компьютерным программам в 1960-х годах, после чего развитие метода продолжалось. Материал качественного анализа характеризуется богатством, проявляющимся в изобилии интересных подробностей. Многих из них исследователь не смог предугадать, вследствие чего в качестве темы исследования должно выбираться тщательно ограниченное явление, что позволяет рассказать о нём как можно более основательно. (Puusa ym. 2020.) Именно по этой причине в данном исследовании мы ограничиваемся в рассмотрении в тексте слов и выражений, описывающих только мужчин и их поведение. Можно отметить, что именно обильное количество подробностей делает этап анализа и интересным, и сложным (там же).

Предпосылкой удачного исследования является переход на уровень абстракции, когда исследователь отходит от единичных случаев, возникших из материала, констатируя о них что-нибудь на более общем уровне. Тогда речь идёт об абстракции, в которой, по словам Пертти Тётё, первичные наблюдения объединяются в метакогниции, т. е. описание исследуемого явления. (Puusa ym. 2020.) Например, в

романе Минаева мы встречаем слова, такие как «бык» и его дериваты, которые на первый взгляд кажутся совсем случайными. В качестве примера можно назвать следующие цитаты: «Чё ты *быкуешь?*», «*забычил* Гешка», «*набыченная* охрана», «если бы он не *быканул*», «как племенной *бык* перед случкой», «только *бычат* много», «*набычился* старшина», «как *бык* после удара в лоб» (Курсивы наши – Я.П.). На самом деле, при ближайшем рассмотрении с помощью данных слов, ссылающихся на особь мужского пола животного, т. е. самца крупного рогатого скота, писатель систематически описывает маскулинность агрессивного, жёсткого, сильного, упрямого мужчины, вызывающую ассоциации с желаемыми мужскими признаками.

Далее мы проанализируем четыре мужских персонажа романа, пытаюсь выяснить, как хорошо они вписываются в критерии гегемонной маскулинности.

2.1. Вова

Главным персонажем романа Минаева является 35-летний Вова. Он — образованный мужчина, который знает себе цену: «Я закончил английскую спецшколу и приличный вуз», «У меня репутация надёжного человека и широкие возможности». Персонаж разбирается во многих областях, отличаясь разумом и сознанием, отождествляемыми с маскулинностью (Здравомыслова и Тёмкина 2018, 59): «когда я говорю о современном искусстве, английской музыке или американской литературе», «Гиппократ умер в четвёртом веке до нашей эры». Даже вторгшись в квартиру Дениса, курьера, Вова восхищается своими знаниями: «Какие у нас грабители пошли начитанные...Гинзберга цитируют».

Одними из отличительных свойств Вовы являются жёсткость и агрессивное поведение по отношению к своим противникам. Можно сказать, что мужское насилие, в отличие от женского, прежде всего должно характеризоваться как инструментальное насилие, другими словами мужчина прибегает к насилию для достижения определённых целей, включающих конкретные вещи, как финансовая выгода (Sipilä ja Tiisonen 1994, 66). В нашем тексте причиной запугивания насилием и его использования служит попытка Вовы получить обратно кейс с миллионом долларов. В качестве примера мы можем привести момент, когда Вова думает о действиях по отношению к Денису, который первым украл кейс во время перевозки: «Скручу его жуликоватые ручонки, *намотаю скотч* вокруг шеи, чтобы *поддушивать*» (Курсивы наши – Я.П.). Также

наглядным примером жёсткости персонажа служит ситуация, в которой он держит в туалете заложника, сутенёра Кирилла, угрожая его словами: «Не кричи, Кира, а то я тебе в самом деле ногу отпилю, завтра». Далее, на вопрос Кирилла о сексуальной идентичности «А ты чё, пидор?» Вова отвечает применением насилия: «бью ему в нос, он гулко ударяется затылком о ванну». Как пишет Куимов (2015, 26), именно такое влечение к насилию является одним из характерных свойств, описывающих принадлежность мужчины к гегемонному типу маскулинности. Из наших примеров следует, что мы можем сделать вывод о соответствии вышеуказанных поступков Вовы критериям гегемонной маскулинности. Однако стоит учесть, что данные характеристики персонажа, то есть насилие, склонность к агрессии и жёсткость, могут вписываться и в так называемую «бандитскую маскулинность», которую Романов показывает в качестве одной модели маскулинности (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 454).

Неотъемлемой частью мужской идентичности в большинстве культур является обесценивание женщины (Грэйг и др. 2006, 10), это видно и в мыслях Вовы. Персонаж встречается с девушкой, имени которой он не называет, а мысленно употребляет о ней, кроме прочего, слово среднего рода «существо», преуменьшая её достоинство: «отвечает *существо*», «существо *сидело*» (Курсивы наши – Я.П.). Далее, Вова ссылается на свою девушку также посредством слова «предмет», как в следующем предложении: «В этом городе так мало *предметов*, вызывающих эстетическое удовольствие, что определённо не стоит портить один из них, тем более ударом тяжёлого стакана» (Курсив наш – Я.П.). Мы можем увидеть, что Вова относится к девушке, как будто она действительно какой-то предмет, существующий только для мужчины, подтверждая его маскулинность: «И самое главное – *она подходит* к этому пентхаусу, моему уже не новому автомобилю Aston Martin, к столику в лондонском Zuma и моему новому пиджаку Martin Margiela. *Ко мне, одним словом*» (Курсивы наши – Я.П.). Так как гегемонная маскулинность представляет собой механизм действия патриархата, гарантирующий правомерность подчинённой по отношению к мужчинам позиции женщин и позволяющий определённым категориям мужчин занимать позиции власти и благополучия (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 416), мы можем сказать, что положение Вовы к женщине соответствует критериям гегемонной маскулинности.

Мужчины, ориентирующиеся на гегемонную маскулинность, утверждают свою власть не только над женщинами, как мы рассматривали, но и над мужчинами, занимающими более низкое положение (Куимов 2015, 26). Вывод о важности

преобладания над другими представителями мужского пола делает и Каллас, отмечая, что способы данного явления варьируются (Берберова 2013, 3). Проявлениями утверждения своей власти в поведении Вовы мы называем не только насилие и угрозу его применения, обсуждаемые нами уже ранее, но и постановку под сомнение сексуальной ориентации другого мужчины. Это хорошо видно в словах персонажа, прибегающего к вербальному оскорблению: «Ну что же ты *писаешься при посторонних мужчинах*, Кирилл?! *Я же не гей*, чтобы на *твои извращения* смотреть!» (Курсивы наши – Я.П.). Об обзывании «гомосексуалом» пишет и Лехтонен, констатируя, что оно употребляется прежде всего для укрепления своей гетеросексуальности (Jokinen 2000, 227). Так, ставя под сомнение наиболее важную часть гегемонной маскулинности, гетеросексуальность, Вова применяет власть по отношению к Кириллу и таким образом закрепляет свою собственную гегемонную маскулинность. Мы замечаем также, что выражения сомнения по поводу сексуальной ориентации отнюдь не единственный способ, используемый Вовой для подавления Кирилла: «Как «Декамерон» Боккаччо... ой прости, это для тебя сложно». Как отмечает Куимов (2015, 26), такое утверждение мужской власти над мужчинами, удерживающими более низкую позицию, характерно для представителя гегемонной маскулинности, что в свою очередь подтверждает принадлежность Вовы к данному типу маскулинности.

Наиболее важным признаком гегемонной маскулинности считается отсутствие свойств, принадлежащих сфере женственного, как отмечает Берберова (2013, 3). Данному критерию соответствует отношение Вовы к своим чувствам, поскольку он способен на внешнее сдерживание своих эмоций. В качестве одного примера можно привести реакцию Вовы по отношению к оплошности своей девушки, пролившей лак для ногтей на его диван Armani Casa за двадцать тысяч евро: «Может ацетоном попробовать? — без особого энтузиазма роняю я, глядя на пятно». Также Вова преуменьшает эмоции, выдвигая на первый план факты, что рассказывает о рациональности, воспринимаемой как маскулинная черта (Jokinen 2000, 68): «Дневники и блоги — *всего лишь эмоции*, которые давили на тебя, пока ты писал «о самом важном решении в своей жизни». *И только цифры не врут*» (Курсивы наши – Я.П.). Вообще, Вова часто повторяет окружающим одно и то же предложение «Ты слишком серьёзно к себе относишься», доказывающее отношение персонажа к жизни. Также мысли Вовы, например, при вспоминании об источнике своих денежных средств, подтверждают, что персонаж не воспринимает себя всерьёз: «Когда получаешь деньги от воров, убийц и

просто ничтожеств, ничего, кроме умения посмеяться над собой, с годами не остаётся». Данное видимое нами отсутствие эмоциональной выразительности персонажа считается также одним из качеств, описывающих принадлежность мужчины к гегемонной маскулинности (Куимов 2015, 26).

Тем не менее, мы видим в поведении Вовы также по крайней мере одну черту, традиционно считающуюся женственной, т. е. интерес к внешнему виду. Хорошими примерами о заботе персонажа о своей внешности служат, например, следующие предложения: «*Рассматриваю своё отражение в затемнённой поверхности музыкального центра. Определённо, пора делать тонировку волос*», «*И морищины вокруг надо бы убрать*» (Курсивы наши – Я.П.). Кроме того, Вову пугает набор веса: «я даже не пытаюсь вспомнить, сколько в нём *отвратительных калорий*, чтобы с ума не сойти» (Курсивы наши – Я.П.). Далее персонаж обращает много внимания на бренды и их сочетаемость, мысленно перечисляя свои предметы одежды: «Смотрюсь в отражение на тонированном витринном стекле продуктового магазина. Чёрный пиджак а-ля смокинг, купленный в Миланском H&M, под ним белая футболка из мятой бумажной ткани от Slow and Steady Wins the Race, синие джинсы, чёрные тканевые ботинки с едва заметной вышивкой, от Adam Kimmel. Всё-таки ботинки *слишком выбиваются из общей канвы*» (Курсивы наши – Я.П.). О данном молодом, состоятельном мужчине, живущем в мегаполисе и представляющем городскую субкультуру современного общества, употребляется термин «метросексуал» (Куимов 2015, 28). На основании привычек Вовы одеваться и заботиться о себе мы можем отнести его к данному новому типу маскулинности, трактуемой как маргинальная из-за «рискующего модного поведения» (Игаева и Шмелева 2019, 6). Несмотря на видимые проявления гетеросексуальности персонажа, как мы уже показывали ранее, сексуальная ориентация на самом деле не играет настолько важную роль в определении метросексуала, потому что он является для себя истинным объектом сексуального наслаждения, ценностей и любви (Куимов 2015, 28), как можно заметить и в поведении Вовы, отличающего чрезмерным самодовольством: «Я слишком умный... в этом проблема...».

Так, мы рассматривали отношение Вовы к уходу за собой и одежде, характерные для метросексуала, отличающегося самолюбием и сознательностью в моде. Но особый соответствующий статусу потребительский стиль включается и в новые образцы успешного, независимого «настоящего мужчины», описанного исследователями в 1990-годах (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 453). Данный мужчина

умеет одеваться и покупает престижные вещи, охватывающие на практике все области жизни от аксессуаров и алкогольных напитков до автомобиля и квартиры (там же, 454), как мы можем заметить в мыслях Вовы: «насколько тяжёлым и старомодным кажется мне виски, с тех пор как я «пересел» на Bacardi Spice», «не идёт кипенно-белой поверхности дивана Armani Casa за двадцать тысяч евро». Предыдущие отрывки рассказывают о материальном благополучии Вовы, ссылаясь на его успех, как мужчины: «„Мне тридцать пять лет, *на моих зарубежных счетах девятьсот тысяч долларов*“. Я написал бы эту фразу на визитных карточках, если бы у меня они были» (Курсивы наши – Я.П.). Именно такой успех предполагает гегемонная маскулинность, как декларируют авторы журнала «Медведь»: «Настоящий мужчина просто обязан быть успешен, иначе мы говорим о чём-то другом» (там же, 454).

В целом, мы можем прийти к такому выводу, что многие обнаруженные нами проявления характера и поведения Вовы соответствуют строгим критериям гегемонной маскулинности. Во-первых, данная маскулинность предполагает гетеросексуальность. Вова испытывает влечение к женщинам, однако не подтверждает свою ориентацию браком и детьми. Во-вторых, Вова применяет власть и над женщинами, и над мужчинами, которые занимают более низкое по отношению к нему положение. Данному критерию персонаж отвечает настолько хорошо, что он даже в состоянии поставить под сомнение сексуальную ориентацию и таким образом маскулинность другого мужчины. Вова успешно демонизирует гомосексуальность, например, мысленно вспоминая о своём способе успокоения, т. е. о плюшевом зайчике, внутри которого вшит мешочек с содержанием лаванды, снимающей стресс: «А я нюхаю своего зайчика. Точнее, его жопу. С одной стороны, это успокаивает, с другой – таит в себе сакральный смысл: *может быть еще хуже*» (Курсивы наши – Я.П.). В-третьих, Вова — успешный мужчина. Он обладает возможностями, предназначенными только для привилегированных людей: «а через час после приземления *мой адвокат* получит звонок, означающий, что нужно начинать *продавать московскую недвижимость*, переводить *остатки по счетам* и ещё кое-что по мелочи» (Курсивы наши – Я.П.). Одним из видов гегемонной маскулинности можно назвать «фронтирную» маскулинность, упоминаемую Тартаковской (Куимов 2015, 28). Мы можем хорошо заметить в образе Вовы проявления данного типа маскулинности, представители которой соединяют в себе признаки профессиональной культуры с исключительным уровнем насилия и крайней формой эгоизма, индивидуализма, характеризуюсь готовностью к достижению своей

цели любым способом (там же, 28). Но мы замечаем, что маскулинность Вовы также имеет некоторый «бандитский» характер, так как деньги, доказывающие его успех и позволяющие образ жизни «настоящего мужчины», исходят от незаконной деятельности. Однако мы также обратили внимание на то, что Вова в некоторой степени отличается от традиционных стандартов гегемонной маскулинности чрезмерным интересом к моде и своему внешнему виду, при этом уделяя внимание ещё и одежде других мужчин: *«Весь этот наряд резко контрастирует с простецким лицом Рашпиля»* (Курсивы наши – Я.П.). В конце концов, у этого персонажа гегемонная маскулинность хотя и превалирует, но проявляется не совсем в чистом виде, что, вероятно, вполне естественно.

2.2. Денис

Денис Давыдов — 35-летний выпускник ВГИКа (Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова), который работает курьером. Персонаж постоянно мечтает о работе режиссёра и создании киносценариев, однако ему пока не посчастливилось осуществить свою заветную мечту: *«Поколение надежд. Наследники Эйзенштейна, Шукшина и Тарковского. Стоит ли говорить, что ни один из нас, выпускников того года, не снял ни одного фильма»* (Курсивы наши – Я.П.).

Мы сразу видим, что Денис соответствует одному критерию, предполагаемому гегемонной маскулинностью, т. е. гетеросексуальности, которую персонаж подтвердил браком. Но заодно мы можем заметить, что Денис не пользуется уважением в глазах своей жены Светы: *«жене я был неинтересен уже лет пять»*. Вообще, жена разочарована в мечтаниях мужа и выражает своё недовольство: *«Уже семь лет он снимает кино! Артхаус! На который он ищет инвестора, вместо того чтобы в тридцать пять лет заняться наконец тем, что приносит хоть какой-то доход!»* (Курсивы наши – Я.П.), *«НЕ работаешь, НЕ имеешь целей, НЕ участвуешь, НЕ знаешь!»*. Мы можем назвать вышеуказанные примеры пассивности и ничегонеделания Дениса противоположностями активности и деловитости, считающимися сущностью социальной гендерной идентичности мужчины (Sirilä ja Tiihonen 1994, 65). Далее, Света сильно унижает Дениса: *«Я больше не хочу от тебя ребёнка, Денис»*, продолжая, что не может *«быть матерью двоих несовершеннолетних мальчиков»* (Курсивы наши – Я.П.). Если мы рассматриваем мысль о нормах, требующих от мужчины единственную или

первичную роль как добытчика (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 432), мы можем констатировать, что данные проявления доказывают неспособность Дениса быть главой семьи и обеспечить её, и следовательно, несоответствие персонажа важному критерию гегемонной маскулинности.

Денис и сам понимает своё положение и говорит, что он «придурок» и «пьяный безработный», признавая неудачу: «В целом, *перспективы* в этом городе у меня *невзрачные*», «мы из категории талантливых юношей *перешли в категорию юношей стареющих*» (Курсивы наши – Я.П.). Такая бесперспективность подавляет персонажа, как мы замечаем в его мыслях: «запах есть даже у *бедности*. Это запах дорогих ресторанов, в которых *ты никогда не поужинаешь*» (Курсивы наши – Я.П.). По мнению Тартаковской именно такое собственное признание проигрыша в карьере считается важнейшей характеристикой несостоявшейся маскулинности (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 456). В качестве измерения успеха Денис использует других мужчин: «Дэвид Боуи смотрел на меня жалостливо, я на него — завистливо». Культурные репрезентации используют приём героизации, что отражается в мужских образах в произведениях массовой культуры (там же, 417). Данная героизация видна в исследуемом нами тексте в мыслях Дениса, сравнивающего себя с Вовой: «В сущности, всю жизнь, ещё со школы, я мечтал быть таким парнем. Счастливым человеком, живущим в мире, где все плохие парни наказаны или будут наказаны. Человеком, у которого есть *связи, деньги и женщины*. *Этаким ковбоем* в постмодернистском смысле» (Курсивы наши – Я.П.). Ссылка на «ковбоя» очень уместна, поскольку данный образ маскулинности, присутствующий в западном массовом искусстве, включает в себя приписываемые гегемонной маскулинности качества, кроме прочего финансовое благополучие, сексуальную активность, жёсткое отделение от женского мира и стоящих внизу социальной иерархии мужчин (там же, 450). Из этих отрывков мы хорошо замечаем, что Вова, занимающий более высокое положение, устанавливает стандарты идеальной маскулинности для Дениса.

Далее, Вова описывает Дениса как «уродского сраного ничтожного курьера», который «без средств, связей и репутации». В то же самое время Вова выражает восхищение женой Дениса, таким образом преуменьшая компетенцию персонажа как мужа и его маскулинность: «у «хвостатого» курьера *красивая жена*. Возможно, у неё всё наладится после исчезновения *этого дебила*, который даже деньги в руках *удержать не сумел*» (Курсивы наши – Я.П.). Данным «лузером» или

неудачником можно назвать похожего на Дениса мальчика, не усвоившего требования мужской роли, который является одним видом несостоявшейся маскулинности, именуемым также недостаточной маскулинностью или гипомаскулинностью (Куимов 2015, 30). Учитывая ещё тот факт, что приверженцы гегемонной маскулинности удерживают мужскую власть помимо женщин и над мужчинами, занимающими более низкую позицию (там же, 26), мы не можем отнести Дениса к гегемонной маскулинности, наблюдая его подчинённое положение по отношению к Вове.

Мы замечаем, что Денис отличается от унижающего его Вовы отношением к внешнему виду: «Я не разбираюсь в трендах, *не знаю, какого цвета лосины* носят парни» (Курсивы наши – Я.П.). Так, рассматривая Дениса как мужчину, который не проявляет интерес к моде, мы можем приписать его первой из трёх категорий, представленных Кайзером и Грином для описания отношения мужчин к своему внешнему виду (Игаева и Шмелева 2019, 5). Зато представляющие гегемонную маскулинность мужчины относятся к второй категории, поскольку они желают остаться немаркированными (там же). Судя по одной черте внешнего вида Дениса, мы можем увидеть, что персонаж исключается от данной категории: «дурацкий ponytail на затылке». На основании этого отрывка, выраженного Вовой, мы можем констатировать, что данная причёска, ассоциируемая с женщинами, резко противоречит нормам гегемонной маскулинности, так как фемининность считается абсолютно непозволительной для традиционной маскулинности (Куимов 2015, 29).

Фемининным качеством в образе Дениса мы считаем также его частые упоминания о маме: «так говорит *мама*», «как говорит *мама*», «все обстоит так, как *она* говорит», «*маму* потом перевезу», «про которых говорила *мать*» (Курсивы наши – Я.П.). Также у персонажа унизительно спрашивают: «Ты чё, хочешь мамину квартиру продать?» Так, данную зависимость от матери можно приписать так называемому исключённому от гегемонии «маменькину сынку», который представляет собой субординированную маскулинность (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 421). Тем не менее это не мешает Денису воспользоваться случаем и ставить под сомнение маскулинность своего хорошего знакомого Саньки: «Ты чего, хипстер?» Вопросом о хипстере Денис ссылается на потребителя мужского пола, иными словами, одного представителя крафтового типа, отличающегося крайне индивидуализированным потреблением товаров и услуг (Игаева и Шмелева 2019, 8). Данный вопрос Денис задаёт после того, как Санька рассказал, что ему надо «ещё писать сегодня статью на Look-at-me про

историю театрального костюма». Из нашего примера мы хорошо видим, что несмотря на своё собственное подчинённое положение по отношению к Вове и отклонение от многих критериев гегемонной маскулинности, Денис пытается выражать сомнения по поводу маскулинности другого мужчины, считаемой им ещё менее полноценной своей. Поэтому нам важно понимать маскулинность не как роль, а как структуру социальных отношений (Sipilä ja Tiihonen 1994, 20).

В целом, мы можем прийти к выводу, что у Дениса не преобладает гегемонная маскулинность. Это хорошо видно, если мы рассматриваем, например, подчинённое положение персонажа по отношению и к своей жене, и к Вове. Жена унижает Дениса, ссылаясь на его неспособность быть добытчиком в семье, а со стороны Вовы персонаж терпит насмешки, касающиеся, кроме прочего, внешности: «дурацкий ponytail на затылке». Зато в образе Дениса довольно ясно проявляется несостоявшаяся маскулинность: «И главное, ведь никого моя смерть не всколыхнет. Я не журналист, не политик и не бизнесмен. *Просто Денис с Остоженки*» (Курсивы наши – Я.П.).

2.3. Вася

Василий Бенукович — гастарбайтер, приехавший в Москву из Донецка, где он когда-то работал автослесарем. Персонаж ненавидит столицу, которая, по его собственным словам, «ежедневно унижала»: «в прошлом нормальный донецкий пацан Вася Бенукович, теперь — *всего лишь один из этих*, как их, которые на стройках-то? *Гастарбайтеров...*» (Курсивы наши – Я.П.). Судя по работе Васи гастарбайтером, мы видим явное отнесение персонажа к маргинализированной маскулинности, описывающей статус мужчин, социальное положение которых зависит от их принятия членами доминирующей группы (Куимов 2015, 29). К данной, доминирующей, группе мы относим главного героя Вову, питающего отвращение к гастарбайтерам: «мне реально необходимо наблюдать за *жизнью отсталых народов мира*, или что?», «Вы ввели в употребление *это мерзкое лающее слово!*» (Курсивы наши – Я.П.). В качестве примера можно привести также отношение прораба Трифонова к гастарбайтерам, ссылающегося вместо зарплаты «на то же понимание, которое должно быть у «мужиков»». Данные отношения неравноправия между разными категориями мужчин создаются при помощи механизма «маргинализации» (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 421), что проявляется также, например, в поведении полицейских, которые обращаются

к Васе «вместо обычного „мужчина“», только спрашивая: «Регистрация?» Из этого примера, проявляющего желание Васи отличаться от гастарбайтеров, мы можем заметить тревогу персонажа по поводу своей недостаточной маскулинности, что доказывает её важность для мужчины по сравнению с фемининностью для женщины (Sipilä ja Tiihonen 1994, 22).

Несмотря на наше рассмотрение Васи как представителя маргинализированной маскулинности, нами были обнаружены в поведении персонажа также проявления гегемонной маскулинности. Во-первых, мы замечаем, что Вася, который женат, употребляет непристойную речь, пытаясь закрепить свою гетеросексуальную ориентацию, таким образом подтверждая маскулинность: «Вчера, прикинь, снилось, что *мы с женой трахаемся*» (Курсивы наши – Я.П.). Далее, Вася предъявляет комментарии по поводу половой жизни в адрес собеседника: «а вот если тебе *тёлку* подогнать, *голую...* такую... модель *с сиськами четвёртого размера*», «Ты сначала *тёлку будешь трахать* или сразу плов начнёшь жрать?» (Курсивы наши – Я.П.). Учитывая ещё упоминание Васи, как Москва «деклассировала» его, мы отмечаем, что, по словам Карасика, именно в данных деклассированных сообществах частое использование вульгарной и сниженной лексики, связывающейся с мужественным поведением, считается нормативным (Самотик, 2012, 243). Во-вторых, Вася осознаёт свою обязанность по обеспечению семьи, как мы видим в следующих отрывках: «„Вестерн Юнион“, через который Вася *переводил заработанные копейки* в Донецк жене Кате», «часть денег он семье перешлёт, *чтобы по-честному*» (Курсивы наши – Я.П.). В-третьих, Вася отличается сознательностью в стремлении к экономическому и профессиональному успеху, служащему во многом основой гегемонной маскулинности (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 455): «Ваське очень нравились *золотые зубы*. Они *добавляют значимости, солидности*. Всего того *настоящего*, что *ценилось в мужике* в Донецке», «потом — в магазин, *костюмы* покупать» (Курсивы наши – Я.П.). В-четвёртых, Вася удерживает или, по крайней мере пытается удержать более высокое положение по отношению к другому мужчине, т. е. своему соработнику Фархаду, таджику, который приписан к маргинализированной маскулинности уже на основании его этнической принадлежности, поскольку при помощи термина «маргинализация» Коннелл ссылается на «отношения между доминирующими и субординированными классами или этническими группами» (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 421). По данному признаку Вася применяет свои предубеждения к Фархаду, подавляя его: «Чё ты

быкуешь? *Фалам-салам*», «А может, ты *террорист*, чурка ты *ебаная*, а?», «А может, ты ещё и *девочек русских* тринадцатилетних *насилуешь?*», «зачем *чурке* столько бабок?» (Курсивы наши – Я.П.). Данные отрывки мы можем рассматривать как проявления некоторой гегемонной маскулинности Васи, особенно если мы считаем их удержанием власти, утверждаемой ориентирующимися на доминантную маскулинность мужчинами (Куимов 2015, 26).

В общем, мы можем увидеть в образе Васи ясные проявления маргинализированной маскулинности. Данный тип маскулинности проявляется, например, в виде социального положения персонажа, работающего гастарбайтером. На основании работы Вася подвергается пренебрежению со стороны Вовы, прораба Трифонова и полицейских. Нами замечены также проявления гегемонной маскулинности в образе персонажа. В качестве примеров мы можем представить попытки Васи закреплять свою гетеросексуальную ориентацию неприличной речью и удерживать власть над Фархадом. Однако мы не можем назвать гегемонную маскулинность преобладающей в образе Васи, учитывая его позицию на данный момент: «Главным образом Вася ненавидел Москву за то, что она его обнулила. Деклассировала, лишила отличительных свойств, засунув в тысячные шеренги „понаехавших“, между Фархадом и Гумилем».

2.4. Артём

Артём Фадеев — молодой человек, работающий старшим продавцом в салоне сотовой связи. Персонаж характеризуется чрезмерным довольством собой, в качестве примера которого можно привести следующее предложение: «По *собственному разумению* и по *отзывам многочисленных* приятелей и приятельниц, Артём Фадеев был *умён, красив и оригинален*» (Курсивы наши – Я.П.). Из этих трёх прилагательных первое, то есть «умён», ссылается на рациональность, которая воспринимается как проявление маскулинности (Jokinen 2000, 68). Также последнее прилагательное «оригинален», использующееся для представления независимости, соотносится по ассоциации с маскулинностью (Энциклопедия Кругосвет, s.v. маскулинность и фемининность). Но несмотря на данные положительные мужские качества, нами видна некая зависимость персонажа от родителей, в частности женщины, ссылающаяся на неподобающее положение мужчины: «*мамиными усилиями* и папиными связями Артём всё же закончил

Финансовую академию и с тех пор находился *в состоянии жёсткого ожидания*» (Курсивы наши – Я.П.). Образ «маменькина сынка» является одним из видов, исключённых из гегемонии, представляя собой субординированную маскулинность (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 421). Тем не менее проявлением гегемонной маскулинности в поведении Артёма мы можем назвать то, как персонаж удерживает власть над людьми, в том числе клиентами, считающимися персонажем менее полноценными, чем он сам: «За свои копейки хотят приобрести телефон, который имеет все функции, кроме что деторождения, козлы».

Персонаж прекрасно освоил мысль о высоком оценивании собственных достижений, являющуюся первичной ценностной ориентацией в маскулинных культурах (Энциклопедия Кругосвет, s.v. маскулинность и фемининность): «До момента вхождения в *верхние строчки российского «Форбса»*, по прикидкам Артёма, оставалось года два, не больше» (Курсивы наши – Я.П.). Поэтому неудивительно, что Артём видит свою работу продавцом «временным пристанищем перед настоящим большим делом, которое «находит тебя само»». Такое стремление к успеху мы можем наблюдать в некоторой степени как проявление гегемонной маскулинности, поскольку предпосылкой «настоящего мужчины» является безусловно успех (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 454). Но одновременно нами замечено отношение Артёма к успеху, который должен появиться как-то сам по себе, без особых усилий: «большие бабки *сами тебя находят*. Это давно известно», «поэтому убивать себя *накануне настоящего дела* изнурительным трудом на дядю, было бы *настоящей глупостью*» (Курсивы наши – Я.П.). Учитывая ещё слова Артёма, касающиеся его нахождения «в состоянии жёсткого ожидания», мы можем рассматривать действия персонажа как не особо активные, приходя к выводу, что они не полностью соответствуют активности и деловитости, считающимися соответствием социальной гендерной идентичности мужчин (Sipilä ja Tiihonen 1994, 65).

Стремлением к успеху мы можем назвать также интерес Артёма к престижному потребительскому стилю, включающемуся в новые образцы успешного «настоящего мужчины» (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 453), как мы уже обсудили в разделе Вовы. Данный претендующий на успешность и привлекательность тип маскулинности напоминает «реального пацана» (там же, 454), с которым отождествляет себя видимо и Артём: «...а есть только *правильный пацан*. То есть *он*» (Курсивы наши – Я.П.). В качестве проявления данного образа мы видим желание персонажа подражать своим героям: «Образ серьёзного теневого воротилы из любимых фильмов и

собственное отражение в витрине плавно сошлись». Но в отличие от, например, главного персонажа романа Вовы, который открыл доступ к роскошному образу жизни, Артём может лишь только мечтать о нём, по крайней мере, по рассуждению его девушки Даши: «сколько времени Артём проводил за разглядыванием в интернете спортивных автомобилей, сравнением технических характеристик лодок Бенетти и Принцесс, наблюдением за ростом цен на частные самолёты, заграничную недвижимость, акции и прочие активы, *которых у него никогда не будет*» (Курсивы наши – Я.П.). Здесь мы замечаем некоторое сходство с несостоявшейся маскулинностью, описанной исследователями для обозначения отклонения мужчины от норм мужского успеха, единицей измерения которого являются главным образом денежные средства (там же, 455–456). Однако необходимо упомянуть, что Артём ни в коем случае не соответствует наиболее важному характерному свойству данного типа маскулинности, т. е. собственному признанию проигрыша в карьере (там же, 456), а скорее наоборот: «Удивился Артём *главным образом самому себе*» (Курсивы наши – Я.П.).

Так как настолько важной основой для оценивания маскулинности служит дихотомия гетеро- и гомосексуальности, как отмечают Карриган, Коннелл и Ли (Jokinen 2000, 226), мы можем хорошо увидеть, как ссылки на половую жизнь работают в качестве закрепителя гегемонной маскулинности Артёма. Наглядным примером служит следующий отрывок, в котором девушка Артёма Даша, встречающаяся с двумя мужчинами одновременно, сравнивает секс с обоими из них: «В сексе Артёма был *мальчишеский задор и затуманенные похотью зрачки, отсутствие которых* Константин Владимирович (в миру КаВэ) компенсировал изобретательностью, гипертрофированной тягой к вещам и красивыми подарками — *чертами, свойственными мужчинам за сорок, входящим в полосу незначительных половых проблем*» (Курсивы наши – Я.П.). Данная описанная Дашей ситуация между двумя её любовниками напоминает о конструировании доминантной маскулинности в сравнении с другими представителями мужского пола, проявлением чего могут служить, например, любовные успехи (Берберова 2013, 3). Учитывая самый надёжный залог маскулинной компетенции, иными словами, то, что мужчина остаётся в роли деятеля и хочет женщину, но только сексуально (Jokinen 2000, 227), мы видим в описании сексуальной жизни Артёма ссылку на гегемонную маскулинность. Тем не менее мы не можем не видеть явное противоречие в образе персонажа, который хотя и отличается «мальчишеским задором», но, с другой стороны, уступает своему конкуренту в

сравнении материального благополучия. Такой недостаток можно рассматривать как несоответствие персонажа ключевому критерию гегемонной маскулинности, т. е. успеху. Далее отзыв Даши о своих двух любовниках не поддерживает гегемонную маскулинность Артёма: «Нет, сначала она искренне пыталась влюбиться в Кавэ, потом так же искренне — в Артёма. Но в обоих мужчинах *не хватало событийности*» (Курсивы наши – Я.П.). Данная характеристика несовместима с гегемонной маскулинностью, потому что побуждающие коннотации, входящие, например, в повелительное наклонение «будь мужчиной», употребляются для стимуляции индивидуума, кроме прочего, к активной деятельности (Чуркина 2018, 4).

Рассматривая образ Артёма в целом, мы можем заметить, что персонаж превосходно освоил идею о социально определяемых показателях, ранжирующих мужчин от «настоящего мужчины» до «несостоявшегося» (Здравомыслова и Тёмкина 2015, 456). Артём сильно ориентируется на гегемонную маскулинность, но ему пока не удалось достичь особого успеха, предполагаемого данным типом маскулинности, по крайней мере, с учётом положения дел на данный момент: «Но это *не его бизнес, к сожалению... пока...*» (Курсивы наши – Я.П.). Так, мы можем рассматривать Артёма в качестве некоего мечтателя, у которого пока больше планов, честолюбия и веры в себя, чем конкретных результатов, доказывающих его успех как мужчины. Это в некоторой степени ссылается на несостоявшуюся маскулинность, но полностью мы не можем ни в коем случае отнести Артёма к данной маскулинности, поскольку у него также множество черт гегемонной маскулинности. Одним из важнейших проявлений доминирующей маскулинности персонажа мы можем назвать ссылки на гетеросексуальную ориентацию, закрепляющую маскулинность. В качестве примера можно привести отзыв Даши об Артёме в постели: «Одним словом, с Артёмом *трахаться было хорошо*» (Курсивы наши – Я.П.). Но одновременно маскулинность персонажа преуменьшают следующие слова Даши: «И во всей этой истории конченная, дешёвая сука именно он». Далее, ссылка на зависимость от родителей, особенно на маму, способствующую окончанию Финансовой академии указывает на субординированную маскулинность. Подводя итог, мы можем увидеть, что в образе Артёма трудно определить одну преобладающую маскулинность, так как мы встречаем одновременно проявления гегемонной, несостоявшейся и субординированной маскулинности. Надо отметить, что мужчина может сочетать в себе черты разных типов маскулинности (Jokinen 2000, 213).

На основе проведённого анализа теоретического и практического материала автор создал схематическое изображение типов маскулинности и их взаимоотношений, см. Рисунок 1.

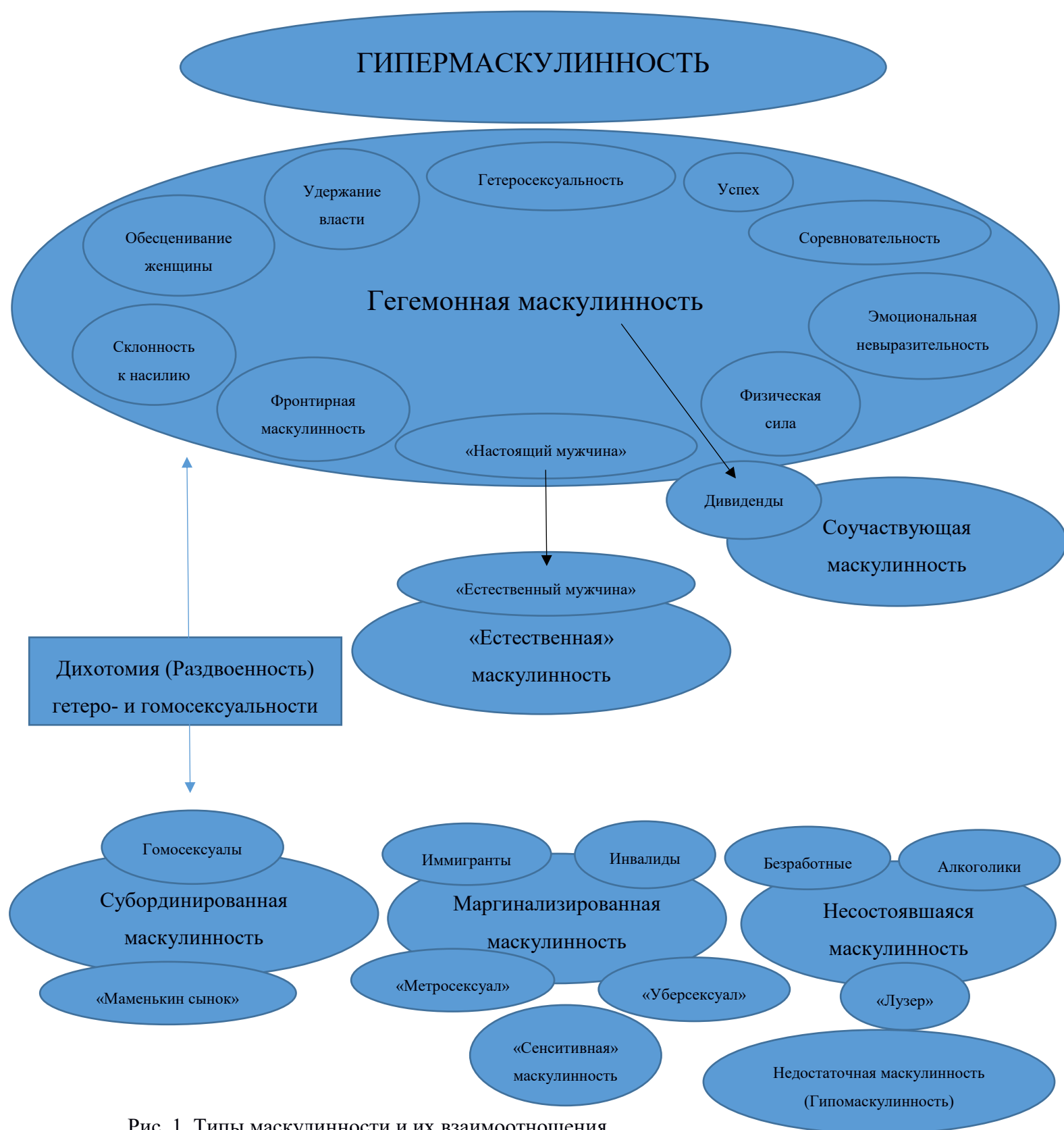

Рис. 1. Типы маскулинности и их взаимоотношения

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в данной бакалаврской работе мы пытались погрузиться в тему мужчин и маскулинности, которая, на наш взгляд, важна и, пока относительно мало изучена. Нами замечено по собственному опыту, что многие мужчины, испытывающие тревогу по поводу своей маскулинности, рассматриваемой ими как недостаточная, страдают от этого, сталкиваясь с дискриминацией со стороны не только других мужчин, но и женщин. Именно данные явления послужили важной причиной выбора темы нашей бакалаврской работы. Кроме того, мы считаем нашу тему важной, так как данная работа — это первое исследование, полностью посвящённое рассмотрению мужчин и маскулинности на отделении русского языка и культуры университета Тампере.

В теоретической части мы рассматривали определения маскулинности, насилие как её часть и дихотомию гетеро- и гомосексуальности, играющую центральную роль в ранжировании мужчин. На основании научной литературы нами было представлено пять типов маскулинности, содержащих множество разновидностей. На фоне данной классификации мы рассматривали персонажей романа. Нашей гипотезой было предположение о преобладании среди них гегемонной маскулинности над другими типами маскулинности. Но следует помнить, что всеобщая типология о типах маскулинности отсутствует несмотря на упоминание большого количества разных типов маскулинности в литературе (Куимов 2015, 26).

Данное отсутствие типологии, которое является важной теоретической проблемой, не смогло не отразиться и на нашей работе, поскольку многие детали, изучаемые нами, остались ещё неразрешёнными. В качестве одного примера можно привести соучаствующую маскулинность: нам всё ещё неизвестно, какие мужчины на самом деле принадлежат данному типу маскулинности. Отсюда мы хорошо видим не только проблематичность отсутствия общепринятой типологии разных типов маскулинности, но и многосторонность темы мужчин и маскулинности в целом. Вообще, по мере разработки темы нашего бакалаврского исследования нам постепенно прояснялось, какой многогранной оказалась наша тема. Таким образом, мы можем констатировать, что в ней нет ничего чёрно-белого.

В рамках данной работы нам было невозможно проанализировать каждый мужской персонаж, встречаемый в романе. Поэтому мы выбрали четырёх мужчин, которые представляются нам наиболее интересными. Гегемонная маскулинность

проявилась в наиболее чистом виде лишь в образе главного героя романа Вовы. Только завышенное увлечение данного персонажа своим внешним видом несколько отступало от соблюдения предполагаемых критериев гегемонной маскулинности. Таким образом можно прийти к выводу, что гегемонная маскулинность проявляется в образе Вовы так хорошо, как это вообще возможно, поскольку требования гегемонной маскулинности видимо настолько невозможны, что их достижение удаётся лишь через фикцию (Jokinen 2000, 217).

В итоге нам было сложно найти между четырьмя персонажами, рассматриваемыми нами в данной работе, какие-нибудь общие черты, поскольку мужчины сильно отличались друг от друга, представляя разные маскулинности в разных пропорциях. Однако одним признаком, разделяемым всеми мужчинами, была гетеросексуальная ориентация. Нами не было обнаружено ни единого мужчины-гомосексуала в романе, при этом гомосексуальность успешно демонизируется, что является типичным для доминантной маскулинности свойством. Далее, общим мы можем назвать ещё и то, что все исследуемые нами персонажи в большей или меньшей степени применяют власть по отношению к другим мужчинам. Так, наша гипотеза частично подтвердилась, поскольку некоторые неотъемлемые компоненты, предполагаемые гегемонной маскулинностью, как, например, гетеросексуальность и удержание власти, проявились в образах мужских персонажей, но при этом они представили одновременно многие маскулинности, а не только гегемонную.

Как нами было упомянуто уже в начале работы, гендерное исследование, касательно мужчин и маскулинности — это пока мало изученная тема, нуждающаяся в дальнейшей разработке. На наш взгляд, было бы особенно важно вернуться, например, к рассмотрению мужчин, маскулинность которых подчинена. К данным мужчинам, представляющим субординированную или маргинализированную маскулинность, относятся в т. ч. мужчины-геи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Материал исследования

Минаев, С.С. 2012. *Москва, я не люблю тебя*. М.: Астрель.

Литература

Самотик, Л.Г. 2012. *Лексика современного русского языка. Учебное пособие*. Изд. 2-е. М.: Флинта.

Jokinen, Arto. 2000. *Panssaroitu maskuliinisuus: mies, väkivalta ja kulttuuri*. Tampere University Press.

Puusa, Anu, Pauli Juuti, ja Iiris Aaltio. 2020. *Laadullisen tutkimuksen näkökulmat ja menetelmät*. Helsinki: Gaudeamus.

Sipilä, Jorma ja Arto Tiihonen. 1994. *Miestä rakennetaan – maskuliinisuuksia puretaan*. Tampere: Vastapaino.

Электронные источники

Грэйг, А., Киммель, М. & Ланг, Д. 2006. *Мужчины, типы маскулинности и развитие личности: Расширяя возможности гендерного равенства. Роль гендерных факторов в развитии человеческого потенциала (серия монографий)*. https://gender.do.am/material/typy_maskulinnasci.pdf (Просмотрено 21.11.2022.)

Здравомыслова, Е.А. & Тёмкина, А.А. 2015. *12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. https://eusp.org/sites/default/files/archive/gender/12_LECTURES.pdf. (Просмотрено 30.12.2022.)

Научные статьи

Берберова, К.К. 2013. “Типологические особенности маскулинных конструктов: социокультурный анализ.” *Теория и практика общественного развития* (12): 30–

35. <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-osobennosti-maskulinnyyh-konstruktov-sotsiokulturnyy-analiz>. (Просмотрено 20.11.2022.)
- Здравомыслова, Е.А. & Тёмкина, А.А. 2018. “Что такое "маскулинность"? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей.” *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 148 (6): 48–73. <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-maskulinnost-ponyatiynye-otmychki-kriticheskikh-issledovaniy-muzhchin-i-maskulinnostey>. (Просмотрено 10.12.2022.)
- Игаева, К.В. & Шмелева Н.В. 2019. “Типология маскулинности в исследованиях моды.” *Вестник Мининского университета* 7 (2): 15. <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-maskulinnosti-v-issledovaniyah-mody>. (Просмотрено 31.10.2022.)
- Кирпиков, А.Р. 2018. “Качественный контент-анализ как метод исследования.” *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. Екатеринбург.: УрФУ, 67–74. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/59130/1/978-5-91256-403-1_2018_006.pdf (Просмотрено 15.12.2022.)
- Куимов, В.С. 2015. “Проблема типологии маскулинности в гендерных исследованиях.” *Теория и практика общественного развития* (4): 26–30. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tipologii-maskulinnosti-v-gendernyyh-issledovaniyah>. (Просмотрено 25.10.2022.)
- Слёзкина, Ю.М. 2012. “Характеристики доминантных моделей маскулинности и фемининности (на примере опроса студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа» в ТГУ).” *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 17 (1): 85–91. <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-dominantnyh-modeley-maskulinnosti-i-femininnosti-na-primere-oprosa-studentov-obuchayuschihsya-po-spetsialnosti>. (Просмотрено 14.11.2022.)
- Чуркина, Н.А. 2018. “Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации.” *Социодинамика* (5): 16–20. <https://cyberleninka.ru/article/n/maskulinnost-i-feminnost-v-sovremennom-obschestve-sostoyanie-tendentsii-transformatsii>. (Просмотрено 2.11.2022.)

Словари

Энциклопедия Кругосвет. Статья «Маскулинность и фемининность».
https://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/biologiya/MASKULINNOST_I_FEMININNOST.html. (Просмотрено 24.10.2022.)

Hosiaisluoja, Yrjö. 2003. *Kirjallisuuden sanakirja*. Helsinki: WSOY.